

Пролог

Где душа, а где ливрея,
черт-те что это такое,
на скрипучей галдарее
с тараканами покои,
у комолого комода
блох лакей усердно ищет,
позаботилась природа
о духовной пище.

Если ты с утра не занят
и свободен до обеда,
разберись-ка, до Казани
это колесо доедет?
До Казани верст навалом,
а вот, скажем, до Парижу? –
голову почешет малый,
под горшок усердно стрижен.

Ох, и отчего ж не боги
обжигали те горшки?
Две проблемы есть: дороги
на Руси и дураки.
Хоть и далека граница,
долы до нее и горы,
все ж найдется тройка-птица,
что несется без разбора,

оттого и речка Неман,
что за ней сплошные немцы,
бают никому не вемо:
Книппер-Зюскинд-Гамсун-Герцен.

Только, не снеся яичка,
не получишь всмятку,
и уже несется бричка
колеей впрысядку.

I

Прага встречает Чичикова
бабьим добром вскладчину,
сладкой домашней выпечкой
и припекой со сняточками,
печеными каштанами,
улочками кривыми:
долой кафешантаны,
да здравствуют пивные!

Рыцари неухоженные
выставлены на мостик,
и под дождем, о боже мой,
из карасей просека.
К воздуху глаз липнет,
будто вымазан медом,
склеивая липы,
как карточную колоду.

С берега увесисто
тянет наклон к облаку,
и, чертыхаясь, месяц
тащит себя волоком.
Замок стоит на цыпочках,
словно кадык тенора,
и, бормоча, выручку
рассыпает по мерам.

Пахнет хмельным солодом,
лежалым бельем караульным,
на мостовой не голуби,
големы воркуют,
тает во рту булыжник,
чахнет в кисетах табак,
и остроносые крыши
чихают себе в кулак.

– Что ж, у тебя, матушка,
душ за душой много?
– Вон на еврейском кладбище
живого куриного бога
много зрачков намыто,
взглянешь и с перемётной
стаей рудольфовой свиты
вмиг оседлаешь мётлы.

Не для того трубы
над очагами вывели,
чтобы идти в убыль –
чтобы идти в прибыль.
На заграде Краловой
все обратится в золото,
даже ученице Карлово
вместе с серпом и молотом.

По наущенью Кеплера
или по чьей-то милости
звездами, словно пеплом,
весь небосвод вымостили,
то-то корнями растения
кверху в реке топорщатся,
коли не Прометеем,
станешь тут миллионщиком.

Барин, а вот бричка,
и впереди качка.
Жизнь хороша, Чичиков.
У Селифана заначка.
От покорения Крыма
до скрещения судеб
все было мимо-мимо,
то ли еще будет.

II

Долго ли, коротко
стражами, трактами,
верстами сорными,
вздорными пактами,
певчими долами,
торными тропами,
мимо и около,
по лесу, во поле

промельком лани,
отзвуком грая
за шеломянем
воды Дуная,
темные струи
в косы подобраны,
треплется сбруя
рощами Шёнбрунна.

Мост бы построить
в Задунайречье
с пестрой толпою,
брюквой и гречкой,
переобуть бы
бюргеров в лапти,
в русские судьбы
по Русской Правде.

От Домостроя
ладят правление,
тут уж такое
духа томление,
что из покоев
оперы Венской
пахнет тоскою
родной, деревенской.

Ш

Солнце курчавится, маслится,
тихое, богоугодное,
ратуша – дева-красавица –
не смоковница бесплодная,
щеки белилами белены,
брови сурью крашены,
подданные не обделены
волей ея монаршею:

парки куделями стрижены,
барской любовью обласканы,
ежели выпишут ижицу,
то с кровяными колбасками.
Бог испокон ее миловал,
баил, люлил и пестовал,
вот и зовут Заманиловкой,
по-ихнему – Веной имперской.

Правят там люди достойные,
боле того, достойнейшие,
свято блюдут устои
всё с беззаветностью той еще,
ну а Мария-Терезия
будто нарочно выдумана,
ибо сама – Поэзия,
да не простая – избранная.

Рядышком Франц-Иосиф –
сам на параде с саблей,
можно такого сослепу
прямо принять за архангела.
Да и почтенная публика
вся из себя благородная,
ест со значением штрудели,
знамо, во благо родины.

С праведного и спросится,
а потому, усердствуя,
все тут глядятся в Моцарта,
правильного, посмертного:
Моцарты шоколадные,
даже с кокосовой стружкой,
прямо из Баден-Бадена
Моцарты на подушке,

Моцарты новобрачные,
Моцарты – тюль с оборками,
в каждой табачной лавочке
Моцарты ровными горками,
Моцарт стоит ванильный,
сахарный тут же рядом,
то-то была б Манилову
истинная отрада.

Что говорить про месяцы?
Май поспеваает за маем,
будто их сила крестная
местная подгоняет,
ряженные над Пратером
клиньями журавлиными,
вслед за пирком на свадьбу
сразу же именины.

Ход вон подземный вырыли,
то-то была истерика,
кто говорит, что в Индию,
кто говорит, в Америку.
Статуи всюду античные,
боги на них имярековые,
все до того приличное,
плюнуть почти что некуда.

Это, конечно, личное,
чтоб избежать разборок,
что не пристало Чичикову,
то Селифану впору.
Что же нам делать с аспидом?
Кажется, в этом случае
послать его к Хундертвассеру
будет самое лучшее.

Павел Иванович, полноте,
не говоря о скупости,
такого даже на «Сотбисе»
вы за валюту не купите,
пусть до рассвета бражничает,
ежели без запинки
к Вуку свезет Караджичу
по неприметной тропинке,

где у колонны ломаной
ангел грустит заблудший,
Павел Иванович, полноте,
вы по другие души,
вас на Центральное кладбище
сопроводят с эскортом,
чтоб постоять на краешке
жизни у моря мертвых.

Реют сонаты Бетховена,
кружатся вальсы Штрауса,
как хорошо покойникам
вместе всем миром каяться,
вместе всем в мире лучшем,
как повезло вам, Чичиков,
лишь подмахните купчую,
и ничего личного.

IV

Несчастные фонарики
живут на всех планетах,
как крепостные с барщиной,
они в ладах с рассветом,
а тот как твой надсмотрщик —
чуть что, бегом к уряднику,
где в турмалинном крошewe
полощет алый задник,

гарцуют ведьмы поздние
за ранними пороками,
сметает ветер звезды
с оставленного Брокена,
кастрюлями, корытами
весь горизонт устелен,
и только по наитию
вылазишь из постели,

а утро вечно с немочью,
гусынею по коже,
но это еще семечки,
и хуже будет позже,
и хуже было раньше,
и хуже будет вечно,
из голых прутьев банщик
связал колючий веник,

а нам опять в дорогу
с отбитыми огузками
зернистыми отрогами
и паюсными спусками
Анхальту и Тюрингии,
Саксонии и Гарцу,
добро бы еще выгнали,
да некуда деваться.

V

Поршнем крушит горло,
йодлем першит в оре.
Это уже город
или еще море?
Или тошнит сушу
жгучей кислотной зеленью?
Души мои, души,
что вы со мной сделали?

Есть города – пехота,
вечно на передовой,
на амбразуру дзота
смертной бегут гурьбой,
как рукава в пройму,
как топляки в устье,
конь у ворот Трои –
а все равно впустят.

Есть города – окопы,
где у дверей ада
встретит врага копоть
пламени Сталинграда,
выгнется вдруг луком,
стрелами выпустит улицы,
разве что с перепугу
снова в такой сунешься.

Словом, не зная броду,
лучше не лезть в коллизию,
Чичиков въехал в город –
танковую дивизию.
Здесь ледниковый период
в землю вогнал ось:
каждый пенек – идол,
каждый росток – колосс.

Словно быки на корриде,
стадом дома-баржи,
это тебе не Фидий,
даже не Микеланджело.
Сверху, как кран над пирсом,
как Арарат над взгорьем,
канцлер гранитный Бисмарк
празднует полнокровье.

Княжества сбив в кучу,
добрый стоит пастырь,
хватит себя мучить,
не разделяй – властвуй!
Из-под стопы истукана
бьют родники долу,
стогнами Репербана
Эльбой течет кола.

Как в рудниках Мории,
здесь фонари не гасят,
в уличных светофорах
вечно горит красный,
пусть у одних тремор,
но у других – тремоло,
выросла тут в мистерию
юность Маккартни/Леннона,

так и звенит эстрада
тусклого Кайзеркеллера
бронзой Ковент-Гардена,
медью центра Рокфеллера.
Впрочем, всегда щепкой
местным казались бревна,
держат они цепко,
дышат они ровно,

то ли поют песню,
то ли идут строем,
непотопляемый крейсер
с неугасимой трубою,
нету у них мертвых,
нету, ну, хоть убей,
скоро получит орден
Елизавет Воробей.

Горло крушит поршень,
в двери стучит конвой,
стоит любой усопший
столько же, как живой,
цены такие нынче,
был бы еще спрос.
Эх, и куда же, Чичиков,
дьявол тебя занес?

VI

*Все говорят, что враки,
стыд, говорят, и срам,
будто бы у Ларнаки
курят ей фимиам,
дабы с утра без пафоса,
лучше всего рассола,
вроде явилось лакомство
около Лимассола.*

*Чтобы им было пусто
вплоть до седьмого колена!
Древняя Фамагуста,
там, где морская пена,
там, по словам пишта,
славные были дела:
вышла на берег Афродита,
вышла и быстро ушла.*

*Да, не на всякой ярмарке
добрую душу сыщешь.
Не получилось в Гамбурге,
есть еще город Мышкин.
Бричка стучит по ухабам,
Чичикову не спится,
свидится ли у Шёнграбена
небо Аустерлица?*

*Ох, не мытьем, так катаньем,
катаньем – не мытьем, –
пестренькими заплатами
кружится забытье.
Что же нам скажет партия,
если народ молчит?
Катится бричка, катится...
Чичиков сладко спит.*

VI

*То, тебе чего хочется,
ты у живых не найдешь –
что-то во мраке корчится,
сразу не разберешь,
за воротник хватает
и в кулаке сожмет,
да, завела кривая*

в этакий переплет,
или совсем придушит,
срубит, как в чаше ель?
Родненький, я по души,
на, забери шинель!
Тот лишь грохочет пуще,
как ледяной поток:
– *А подавай-ка лучше
мне заветный платок.*

*Будешь измят и скомкан,
как измолоченный злак,
ты покажи Дездемоны
подлой измены знак.
Лучше сознайся сразу,
не доводи до греха
иль потеряешь разум
до третьего петуха.*

*Гамлета папы тенью,
кровью Макбета клянусь,
ответишь мне за измену
ты – настоящий гусь...
Лучик мелькнул надежды,
что-то совсем не так...
Было же это прежде,
только не гусь – гусак!*

И разбежались чары,
лижет волна песок,
будто верблюд, задаром
соль запасает впрок,
ветер бормочет грустный
устный народный стих,
батюшки, Фамагуста!

Чичиков вмиг притих.
Эвон Отелло замок,
рядом турецкий стяг,
дело теперь за малым,
кажется, не пустяк:
где меня черти носят?
Вляпался точно лох,
вроде посеешь просо,
скосишь чертополох.

Здесь же одни арабы,
голову мигом вжик...
Глядь, а навстречу баба
или вообще мужик.
Вон и платок сполошный
млеется исполать,
на подбородок брошен,
чтобы не заплевать.

Вроде не бес, мастырит
тот свой облезлый хвост,
этот же все четыре
вывалил на разнос.
Прет из щеки репейник,
сохнет на шее чулок,
сам капитан Копейкин
выдумать лучше б не смог.

Видно, хозяин ушлый,
аж пробирает жуть.
– Любезный, почем тут души?
– *Вам с собой завернуть?*
Умерших или беглых,
их здесь несчетный край.
Гривенник дай на бедность

*и с собой забирай.
Можешь в придачу руины,
стены без потолков,
весь этот город сгинул
где-то в глуши веков.
Но, не смыкая вежды,
шепчет пустынный град:
«Путник, оставь надежды.
Нет пути назад».*

*Воеет голодный ветер,
трусами полон воз,
слышал о речке Лете?
Здесь у нас перевоз.
Пренеприятный обычай
сюда приходит живым...
Тут и проснулся Чичиков,
цел и невредим.*

VIII

*Умно-худощавое слово,
вероятно, придумал Лютер,
оно, как клетка стволовая,
до полудня кажется мудрым,
но настанет время обеда,
и отступит бремя ковида,
и бог знает, куда заедешь,
и черт знает, кого увидишь.*

*А закажешь бокальчик просекко
с золотистым стерляжьим наваром,
и навстречу Умберто Эко
за компанию с Бодрийяром.
Господа, а прокинем талию?
Не хотите? Не стоит? Что ж,
ну тогда за мадам Италию*

опрокинем пузатый штоф.
А какие щенки в Тоскане!
Перелай! Недожуй! Огрей!
А какие круги в стакане!
Ну-ка, братец, еще налей.
Что за ферт этот герцог Сфорца!
А какой у него салют!
Эх, пропустим еще по порции
за *субдительного суперфлю*.

Там же этот ваш Савонарола,
тоже был, говорят, мудрец,
убедительно-толстое слово
написал на стене – молодец.
С ним и после обеда не скучно,
расстегни мне, Елдырин, сюртук,
а какие же, право, смушки!
Так и тают, и тают во рту.

IX

Воробьи играют в шашки
прямо посередке лета,
а в Ла Скале строит шашни
кавалеру Виолетта,
и неистово бессмертен,
лобызанный многократно,
коренной маэстро Верди
со своею Травиатой.

Здесь под небом синим-синим
по булыжным тротуарам
некогда бродил Россини
в анораче от Армани.
Полюбил Габбану Дольче,
поженились натурально,
жили праведно, не дольше,

чем дозволено моралью.
Да и как же быть иначе,
если тут морали тучи
на жилетах от «Версаче»
и на пиджаках от «Гуччи»?
Но на что нам эта «Прада»?
И «Шанель» нам не указка,
коль у нас своя есть правда
из ревизской сказки.

Шествуя по виа Данте,
выйди напрямиком к Дуомо:
демонстранты, транспаранты,
пионеры – все как дома.
К дамам липнут офицеры,
пьют поручики «Клико»
за отечество, за веру.
А кому сейчас легко?

Лучше сэкономить сольдо,
хоть на время бросить пить,
у синьора Арчимбольдо
фрукты свежие купить,
лихо бричками махнутьяся,
утку надвое загнуть,
попадется папский нунций,
индульгенцию стрельнуть,

прогуляться по промзоне
без наездов, по уму
и надиктовать Мандзони
пару строчек про чуму,
только хоть пиши как дышишь,
шею продевай в хомут,
путь к смиренному кладбищу

не заказан никому.
Время закавычено
и в спирали скрючено,
смотришь – будто Чичиков,
приглядишься – чучело.
У таксидермистов,
как в монашьем ордене,
все ходы записаны,
души все распроданы.

Выйди на Монументале
к мавзолею Тосканини,
может, он тебя осалит,
в нотный стан продвинет.
Вознесись над замком Сфорца,
как гремучая петарда,
и тебя запишут в горцы
или сразу в Леонардо.

Выпей на вечере тайной
терпкое вино из чаши,
вломится черезвычайка:
было вашим, стало нашим.
И Милан сомнется комом,
и пойдет за крысоловом,
и сомкнутся воды Комо
над последним словом.

Эпилог

Объявляю: торг окончен.
Всем покинуть помещенье.
В пункте «смысл» оставлен прочерк,
оттого ли, что Кащею
скатертью лежит дорога

на четыре стороны,
подожди еще немного,
соберутся вороны

на консилиум у парок
утвердить диагноз,
лишнего чего не каркай,
не то быстро в Страсбург
попадешь на крючоктворов,
тех еще умельцев,
наговоры-приговоры
синей дымкой стелются.

Ты катись, катись, колечко,
серебристым сободем,
выйди, милый, на крылечко
голосистым гогодем,
стали нынче побратимы
в голове извилины,
соколом глядишь из Рима,
а обратно – филином.

Не на поле Куликовом,
черта на куличиках,
ходят кони не в подковах –
носят черевички,
и колышется над ними
транспарант затертый:
*«Захотите быть живыми –
покупайте мертвых».*